

«Таких людей стараюсь не подпускать»: мир неэтнической мусульманки в провинции

С. В. Рязанова¹, Р. Я. Назметдинов²

¹Институт гуманитарных исследований
Пермского федерального исследовательского центра
Уральского отделения РАН,
г. Пермь, Российская Федерация;
²Пермский исламский колледж,
г. Пермь, Российская Федерация

Введение. В статье освещаются представления неэтнических мусульманок верхнего Прикамья об окружающем их социальном пространстве и месте в нём. Под неэтническими мусульманками понимаются представительницы этносов, традиционно не исповедующих ислам, принявшие сознательное решение о переходе в новую религию.

Содержание. В качестве исследовательского поля выбрана территория г. Перми, представляющая собой поликонфессиональное и полиэтничное пространство со значительным субстратом проживающих мусульман как местных уроженцев, так и внутренних и внешних мигрантов. Исследование проводилось в течение 2023–2024 гг. и было построено на серии интервью полуструктурированного типа, для участия в котором были отобраны респонденты по двум основным критериям – принявшие ислам в сознательном возрасте и являющиеся т.н. соблюдающими мусульманками (выполняющие требования по внешнему виду и ритуальному поведению), регулярно посещающими Соборную мечеть города. Основной исследовательский вопрос статьи заключается в том, какова специфика представлений мусульманских неопиток об окружающем мире. Для ответа на него полученная информация была разделена на три блока: высказывания, обосновывающие причины привлекательности ислама как религии для конвертитов; обозначенные в интервью проблемные точки, которые сформировались в социальном пространстве в результате совершенного конверсионного перехода; представления о том, какова для новых мусульманок структура окружающего мира.

Выводы. Анализ полученных нарративов показал, что переход в ислам может быть осуществлен как из состояния нерелигиозности, так и путем отказа от православия, но в обоих случаях сопровождается невысоким уровнем знакомства с новой религией и завышенными ожиданиями от нового образа жизни. В новой конфессиональной среде конвертитки сталкиваются с осуждением родственников и друзей, скептическим отношением «традиционных» мусульман и частым отсутствием поддержки от единоверцев, в том числе в семье. Вероятность разочарования в новой религиозной среде прямо пропорциональна длительности исповедования новой веры и тесноте контактов с единоверцами. Основной стратегией решения коммуникативных проблем становится сужение круга общения до таких же новообращенных, редкая апелляция к служителям в мечети и утаивание факта перехода в ситуациях, когда это возможно.

Ключевые слова: российский ислам, неэтнические мусульмане, женщины-неопиты, Прикамье.
Благодарности: Исследование выполнено в рамках государственного задания (тема № 124021400020-6, «Многоуровневая политика в современном мире: институциональное и социокультурное измерения»).

Для цитирования: Рязанова С. В., Назметдинов Р. Я. «Таких людей стараюсь не подпускать»: мир неэтнической мусульманки в провинции // Вестник Ленинградского государственного университета имени А. С. Пушкина. – 2025. – № 1. – С. 243–253. DOI: 10.35231/18186653_2025_1_243. EDN: SUTRNC

“I Try not to Let Such People in”: The World of a Non-Ethnic Muslim Woman in the Provinces

Svetlana V. Ryazanova¹, Rafis Ya. Nazmetdinov²

¹ Institute of Humanitarian Research of Perm Federal Research Center
of Ural Branch of Russian Academy of Sciences,

Perm, Russian Federation;

² Perm Islamic College,

Perm, Russian Federation

Introduction. The study is devoted to the ideas of non-ethnic Muslim women of the Upper Kama region about the social space around them and their place in it. Non-ethnic Muslim women are understood as representatives of ethnic groups that traditionally do not profess Islam, who have made a conscious decision to convert to a new religion.

Content. The territory of the city of Perm was chosen as the research field, which is a multi-confessional and multi-ethnic space with a significant substrate of Muslims, both local natives and internal and external migrants. The study was conducted during 2023–2024 and was based on a series of semi-structured interviews, for participation in which respondents were selected according to two main criteria - those who converted to Islam at a conscious age and those who are the so-called observant Muslim women (fulfilling requirements for appearance and ritual behavior), regularly visiting the Cathedral Mosque of the city. The main research question of the article is what is the specificity of Muslim neophytes' ideas about the world around them. To answer it, the information received was divided into three blocks: statements justifying the reasons for the attractiveness of Islam as a religion for converts; problem points identified in the interviews that formed in the social space as a result of the conversion transition; ideas about what the structure of the world around them is for new Muslim women.

Conclusions. The analysis of the obtained narratives showed that the conversion to Islam can be carried out both from a state of non-religiosity and by renouncing Orthodoxy, but in both cases, it is accompanied by a low level of familiarity with the new religion and inflated expectations of the new way of life. In the new confessional environment, converts face condemnation from relatives and friends, a skeptical attitude from “traditional” Muslims and a frequent lack of support from co-religionists, including in the family. The likelihood of disappointment in the new religious environment is directly proportional to the duration of professing the new faith and the closeness of contacts with co-religionists. The main strategy for solving communication problems is narrowing the circle of communication to the same new converts, rarely appealing to the ministers in the mosque and concealing the fact of conversion in situations where this is possible.

Key words: Russian Islam, non-ethnic Muslims, female neophytes, Prikamye.

Acknowledgements: The study was carried out within the framework of the state assignment (topic No. 124021400020-6, “Multi-level policy in the modern world: institutional and socio-cultural dimensions”).

For citation: Ryazanova, S. V., Nazmetdinov, R. Ya. (2025) “Takikh lyudej starayus' ne podpuskat’”: mir neetnicheskoy musul'manki v provintsii [“I Try not to Let Such People in”: The World of a Non-Ethnic Muslim Woman in the Provinces]. *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta imeni A. S. Pushkina – Pushkin Leningrad State University Journal*. No. 1. Pp. 243–253. (In Russian). DOI: 10.35231/18186653_2025_1_243. EDN: SUTRNC

Введение

В мечети на немногочисленных дам поневоле обращается внимание. В здании постоянно находится только продавец лавки с одеждой. Из-за прилавка к покупателям вежливо обращается сероглазая и светлокочая славянка. Этот образ является показательным: неэтнические мусульмане стали устойчивым компонентом конфессиональной картины мира. Пока еще не решено окончательно, к кому стоит применять этот термин [28], несмотря на упоминание «русских мусульман» начиная с XIX в. [16]. Непроясненность вопроса можно объяснить тем, что понятие «русских мусульман» претерпело эволюцию: от всех, исповедующих ислам вне зависимости от национальности [19], до тех, кто сам принял ислам [6; 26]. Мы будем использовать термин «неэтнические мусульмане» для тех, кто пришел к вере в ходе осознанного выбора [28, с. 281].

А. В. Малашенко писал: «...весь XX век соотношение православных и мусульман постоянно менялось в пользу последних» [11, с. 10]. В настоящее время это утверждение точно отражает ситуацию. Мы не можем говорить о массовом появлении конвертитов лиц, обращенных в другую веру, но сам процесс их появления стал константой [40; 30; 19; 21]. Применительно к России упоминается 5–8 % их прироста при численном доминировании женщин.

Сам процесс конверсии исследуется давно [38; 35; 36; 37; 10; 8; 4; 18; 2; 5; 9; 7]. Под конверсией, как и большинство исследователей, мы понимаем сознательное решение о включении в систему веры, отождествление себя с последователями этой системы и связанный с этим комплекс изменений в мировосприятии и поведении.

Современная допустимость религиозного дрейфа компенсируется институтами социального контроля, проблематизирующими переход. В связи с этим актуальным представляется установление того, как воспринимается социальное окружение неэтническими мусульманками. Достижение этой цели предполагает решение двух задач – выявление проблемных точек коммуникации и ключевых характеристик окружающего мира для неофиток.

Исследование было пилотным проектом в течение 2022–2023 гг. В качестве основы исследовательской методики был выбран метод интервью на условиях анонимности.

Все десять опрошенных – жительницы Перми, в возрасте от 25 до 42 лет. Анализ полученной информации осуществлялся на основах принципа т. н. объективной герменевтики (У. Уфферманн), примененной через использование сиквенс-анализа (В. Крех, М. Радемахер) [34].

Социальная коммуникация как проблема для неопфита

Неэтнический мусульманин сталкивается с коммуникативными проблемами по нескольким направлениям. Прежде всего это отношения с родителями, в лучшем случае это умалчивание: «Но приняли меня какая есть» (№ 5); «скрываю от отца, он консервативный, так мне легче, чтобы ему не говорить, т. к. он не имеет об этом никакого представления, что несет в себе эта религия» (№ 3). Большинство получает нежелательную реакцию – «Родственники отреагировали очень негативно» (№ 4); «Бабушка с дедушкой спокойно отнеслись, папа даже сотовый телефон разбил. Брат никак не реагировал... папа негативно, но он молчит. Родственники почти не общаются со мной» (№ 7). Одна из респондентов поделилась, что «в семье это бывает очень тяжело... когда кто-то читает намаз... подходят... раз... начинают бить» (№ 10). В отношениях вне родственных связей часть окружения исчезает: «Кто-то из друзей поддержал, а с другими перестала общаться» (№ 4); «одна подруга ничего не сказала, и мы остались в хороших отношениях, а другая сказала: “Ты от нас отделилась, но мы остались друзьями”» (№ 7).

Проблемой становится работа, поскольку она дает доход. Не всегда случается, что «коллеги отреагировали очень хорошо и поддержали» (№ 4), встречается и негативное отношение: «На работе одна женщина наговорила плохого» (№ 7). Список неприятностей, с которыми сталкиваются новые мусульмане, немаленький: «кого-то с работы увольняют, кого-то там бьют <...> вызывают прямо и говорят: “Если ты перестанешь этим заниматься, мы тебя как-нибудь там” <...> если ты будешь носить хиджаб <...> мы тебя выгоним с работы». <...> приходится с работы увольняться <...> к директору кого-то вызывают, говорят: “ты можешь потерять работу”» (№ 10).

Не всегда можно найти поддержку внутри мусульманской семьи от супруга. Восхищение исламским образом жизни заменяет разочарование: «они (мужчины – авт.) приводили

вторую жену. И там несчастливая семья» (№ 10). Это отмечают и исследователи [39, с. 94], и респонденты. Так исчезает чувство защищенности на базовом уровне.

Окружающий мир: ангелы и демоны

Даже когда проблем с окружением нет, новые мусульманки ожидают их появление: «Я предполагаю, в будущем возможно негативное реагирование (на конверсию – авт.)» (№ 1). Мир разделен на две части – подходящую и неподходящую. Первая предполагает только «правильные» контакты: «В моей жизни ислам показал нужных для меня людей» (№ 4). Это дает психологический комфорт: «Получила спокойное умиротворение» (№ 7); «Лично мне ислам дал радость, умиротворение <...> и моя жизнь полностью поменялась в лучшую сторону» (№ 9). В качестве второго варианта выступает попытка нести «понимание ценности во всем и ко всему» (№ 6).

Традиционные мусульмане становятся объектами критики за «невысокую» интенсивность религиозной жизни: «А еще вот некоторые молодые... <...> они принимают ислам вот так искренне... <...> А более пожилые говорят: “Мы не хотим закрываться, потому что мы не привыкли. Это некрасиво”» (№ 10). Конвертитки пытаются корректировать круг общения – «стала более избирательной, люди с разными взглядами на жизнь и таких людей стараюсь к себе не подпускать» (№ 2), иногда утверждая: «Людей, по-настоящему понявших ислам, я увидела только среди принявших ислам» (№ 10). Обещанный новой верой мир оказывается неудобным.

Анализ полученных данных и дискуссия

Конверсия в ислам осуществляется на территории Прикамья как частный проект, становится личным делом. Неофит самостоятельно преодолевает последствия произошедших изменений [31, с. 69] что является типичным [27, с. 229]. Несмотря на препятствия, новые мусульманки стараются показать свою причастность к исламу, быть верующими больше, чем традиционно исповедующие ислам [16, с. 159].

Поскольку конверсия никогда не ограничивается основным событием [31, с. 17], не существует полной, тотальной и завершенной конверсии [36, с. 214], образ мира ислама может

меняться. Конвертитки «конструируют для себя некую новую реальность, прежде всего, на основе собственного религиозного опыта, без достаточных знаний» [28, с. 281]. Разочарование в такой ситуации столь же вероятно, как и восторг [1, с. 30].

Разочаровавшиеся в исламе или очарованные им, неофиты в раз раскалывают ислам, создавая новую группу. Неслучайно исследователи конверсии задаются вопросом: к какой религии присоединяются неофиты – к той, которую воспроизводят носители, или к какой-то другой [35, с. 179]. Увеличение числа неэтнических мусульман приводит к конструированию «отрицающей этнические границы концепции “исламской нации”, немало раздражая этим своих единоверцев» [27, с. 73]. Утверждение спорно, но сам факт того, что русский ислам может стать альтернативой традиционному исламу, требует своего признания.

Выводы

Конверсия – из одной религии в другую, или из нерелигиозного состояния в религиозное – несомненно является не только маркером современной религиозности, причудливо складывающейся из выбранных индивидом лоскутков верований (К. Добеллар), но и показателем того, что внедряемая в социальное пространство на протяжении советского времени светская культура дала свои плоды. Можно очень много говорить о провале антирелигиозной политики в СССР, но тем не менее, благодаря ей появились поколения людей, способные воспринимать религию не как неотъемлемый атрибут традиции, неразрывно связанный с этнической идентичностью, а в качестве результата свободного выбора, соответствующего актуальному социокультурному контексту. Представляется, что в дальнейшем этот выбор будет касаться совершенно новых форм верований, либо их сильно трансформированных привычных форм.

Список литературы

1. Анисимова Е. Е. Медийный нарратив конвертита как социокультурный и лингво-прагматический феномен // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. – 2023. – Вып. 6 (874). – С. 25–32.
2. Бурнашева А. А. Современные отечественные исследования религиозного обращения (терминологический аспект) // Вестник Московского ун-та. Сер. 7. Философия. – 2016. – № 3. – С. 109–120.

3. Гусева Е. С., Буланова И. С., Набиев Д. Х. Религиозное обращение в нарративах мусульман: опыт эмпирического исследования // Вектор науки ТГУ. Серия: Педагогика, психология. – 2017. – № 2 (29). – С. 86–89.
4. Дивисенко К. С., Исаева В. Б. Типология обращения в западный буддизм в контексте концепции социального механизма религиозной конверсии // Научный результат. Социология и управление. – 2020. – Т. 6. – № 3. – С. 117–135.
5. Дорофеева Т. В. Мотивы конверсии в кришнаизм в условиях России // Гуманитарные и социальные науки. – 2017. – № 2. – С. 28–40.
6. Излученко Т. В. Русский ислам: современное положение и тенденции развития. Вестник Красноярского государственного педагогического университета им. В. П. Астафьева. – 2013. – № 1(23). – С. 278–282.
7. Ипатова Л. П. Типы религиозного обращения в православие женщин в современной России. Специальность 22.00.06. – «Социология культуры, духовной жизни». Диссертация на соискание ученой степени кандидата социологических наук. – М. 2006. – 177 с.
8. Исаева В. Б. Современные концептуальные модели социологии конверсии // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. – 2014. – № 166. – С. 108–113.
9. Кабиденова Ж. Д., Рысбекова Ш. С. Религиозная конверсия и национальная идентичность // Миссия конфессий. – 2019. – № 25. – С. 97–106.
10. Любимова А. И. Теории религиозной конверсии и новые религиозные движения в России. Вестник Русской христианской гуманитарной академии. – 2009. – Т. 10. – Вып. 1. – С. 70–74.
11. Малашенко А. Ислам для России. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2007. – 192 с.
12. Михалева А. В. Мусульмане Пермской области в 1920–50-е гг. // Политический альманах Прикамья. – Вып. 2. – 2002. – С. 166–174.
13. Михалева А. В. Мусульманская община Перми и Пермской губернии до 1917 г. // Религия в истории города Перми (до 1917 г.). – Пермь, 2003. – С. 25–27.
14. Михалева А. В. Положение мусульман в Пермской губернии в дореволюционный период // Политический альманах Прикамья. – Вып. 1. – 2001. – С. 211–214.
15. Михалева А. В. Социальный портрет мусульманина 1930-х гг. // Политический альманах Прикамья. – Вып. 3. – 2003. – С. 178–184.
16. Никитичева А. О. Русские мусульмане Подмоскovie: аспекты самопонимания и роль в общинах. Ислам в современном мире. – 2020. – № 16(3). – С. 145–164.
17. Плишка Б. Мотивы конверсии польских мусульманок // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. – 2018. – № 2. – С. 173–179. DOI: 10.14515/monitoring.2018.2.09
18. Поплавский Р. О., Ключева В. П. «Как только я переродился...». Конверсия и рассказы о ней в пятидесятнической традиции: структура и функции // Международный журнал исследований культуры. – 2013. – № 1 (10). – С. 35–41.
19. Ракирянский М. Н., Зинченко М. С. Русские исламисты как политико-психологическая реальность // Вестник СПбГУ. Сер. 16. Психология. Педагогика. – 2015. – № 3. – С. 70–82.
20. Романова А. П., Черничкин Д. А., Топчиев М. С., Рогов А. В. Причины и механизмы религиозной трансгрессии в среде студенческой молодежи северного Прикаспия // Южно-Российский журнал социальных наук. – 2019. – Т. 20. – № 4. – С. 104–120.
21. Рязанова Э. Ф. Особенности религиозных практик немок-мусульманок в современной Германии (на примере земли Мекленбург-Передняя Померания и города Гамбург) // Вестник ЯрГУ. Серия Гуманитарные науки. – 2019. – № 4 (50). – С. 40–43.
22. Селянинова Г. Д. В поисках последователей Зайнуллы Расулева: изучение ишанизма в Пермском крае в XX в. на основе устных исторических источников // Ислам в современном мире. – 2017. – Т. 13. – № 3. – С. 159–170.
23. Селянинова Г. Д. «Дело антисоветской организации ишанизма» 1948 года в культурной памяти мусульманского сообщества Пермского края // Технолос. – 2019. – № 3. – С. 84–100.
24. Селянинова Г. Д. Круг чтения последователей ишанизма в Пермском крае в середине XX века // Технолос. – 2019. – № 1. – С. 71–84.
25. Силантьев Р. А. Роль новообращенных мусульман в расколах. Имперское возрождение. – 2007. – № 1 (9). – С. 69–76.

26. Сулейманов Р. Р. Русские мусульмане: классификация групп, проблема радикализма, отношение к ним в России // *Мусульманский мир*. – 2015. – № 4. – С. 8–39.
27. Суянова Л. Д. Актуальные проблемы неэтнических мусульманок в регионах с мусульманским меньшинством (на примере Санкт-Петербурга и Ленинградской области) // *Minbar. Islamic Studies*. – 2021. – № 14 (1). – С. 226–248.
28. Суянова Л. Д. Смысловое содержание терминов «русские мусульмане», «этнические мусульмане» и «этнические неопиты» в исследовании феномена «религиозная конверсия» с позиций теолога // *Minbar. Islamic Studies*. – 2021. – № 14 (2). – С. 272–298.
29. Христофоров В. С., Гусева Ю. Н. Ишанизм как аналитическая категория в документах Восточного отдела ОГПУ и его подразделений в 1920-е годы // *Вестник Челябинского государственного университета. Философские науки*. – Вып. 58. – 2020. – № 9 (443). – С. 70–75.
30. Чакон-Тральски Д. Конверсия в ислам: постепенное преобразование versus радикальное // *Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены*. – 2018. – № 2. – С. 165–172.
31. Buckser A. Social Conversion and Group definition in Jewish Copengagen // *The anthropology of religious conversion* / ed. by Andrew Buckser and Stephen D. Glazier. Lanham-Boulder-New York-Toronto-Oxford: Rowman & Littlefield Publishers, Inc., 2003. – P. 69–84.
32. Coleman S. Continuous Conversion? The Rhetoric, Practice, and Rhetorical Practice of Charismatic Protestant Conversion // *The anthropology of religious conversion*. Ed. by Andrew Buckser and Stephen D. Glazier. Lanham-Boulder-New York-Toronto-Oxford: Rowman & Littlefield Publishers, Inc., 2003. – P. 15–28.
33. Knoblauch H. Bekerung zum Nichttrauchen? Die Konversion in einer "unsichtbaren Religion" am Beispiel von "Nikotine Anonymous" // *Religioese Konversion: systemetische und fallorientierte Studien in sociologischer Perspektive*. – Konstanz: UVK, Univ.-Verl. Konstanz, 1998. – P. 247–270.
34. Krech V., Rademacher M. Sequence analysis // *The Routledge Handbook of Research Methods in the Study of Religion*. 2nd Ed. – London: Routledge, 2021. – P. 445–460.
35. Norris R. S. Converting to What? Embodied Culture and the Adoption of New Beliefs // *The anthropology of religious conversion* / Ed. by Andrew Buckser and Stephen D. Glazier. Lanham-Boulder-New York-Toronto-Oxford: Rowman & Littlefield Publishers, Inc., 2003. – P. 171–182.
36. Rambo L. R. Anthropology and the Study of Conversion // *The anthropology of religious conversion* / Ed. by Andrew Buckser and Stephen D. Glazier. Lanham-Boulder-New York-Toronto-Oxford: Rowman & Littlefield Publishers, Inc., 2003. – P. 211–222.
37. *Religious Conversion. Contemporary Practices and Controversies*. / Ed. by Christopher Lamb and M. Darrol Bryant. London and New York: CASSELL, 1999. – 353 p.
38. *Religioese Konversion: systemetische und fallorientierte Studien in sociologischer Perspektive*. – Konstanz: UVK, Univ.-Verl. Konstanz, 1998. – 274 p.
39. Shisheliakina A. Being a Woman and Being Tatar: Intersectional Perspectives on Identity and Tradition in the Post-Soviet Context. – Tartu: University of Tartu Press, 2022. – 212 p.
40. Wohlrab-Sahr M. *Konversion zum Islam in Deutschland und den USA*. – Frankfurt/Main; New York: Campus Verlag, 1999. – 403 p.

References

1. Anisimova, E. E. (2023) Mediynnyy narrativ konvertita kak sotsiokul'turnyy i lingvopragmaticheskii fenomen [Media narrative of convertit as a sociocultural and linguopragmatic phenomenon]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Gumanitarnyye nauki* [Bulletin of the Moscow State Linguistic University. Humanities]. Iss. 6 (874). Pp. 25–32. (In Russian).
2. Burnasheva, A. A. (2016) Sovremennyye otechestvennyye issledovaniya religioznogo obrashcheniya (terminologicheskii aspekt) [Modern domestic studies of religious conversion (terminological aspect)]. *Vestnik Moskovskogo un-ta Ser. 7. Filosofiya* [Bulletin of Moscow University. Ser. 7. Philosophy]. No. 3. Pp. 109–120. (In Russian).
3. Guseva, E. S., Bulanova, I. S., Nabiev, D. Kh. (2017) Religioznoe obraschenie v narrativakh musul'man: opyt empiricheskogo issledovaniia [Religious conversion in Muslim narratives: experience of empirical research]. *Vektor nauki TGU. Seriya Pedagogika, psikhologiya* [Vector of Science TSU. Series: Pedagogy, psychology]. No. 2 (29). Pp. 86–89. (In Russian).

4. Divisenko, K. S., Isaeva, V. B. (2020) Tipologiya obrashcheniya v zapadnyy buddizm v kontekste kontseptsii sotsial'nogo mekhanizma religioznoy konversii [Typology of conversion to Western Buddhism in the context of the concept of the social mechanism of religious conversion]. *Nauchnyy rezul'tat. Sotsiologiya i upravleniye* [Scientific Result. Sociology and Management]. Vol. 6. No. 3. Pp. 117–135. (In Russian).

5. Dorofeeva, T. V. (2017) Motivy konversii v krishnaizm v usloviyakh Rossii [Motives for conversion to Krishnaism in Russia]. *Gumanitarnyye i sotsial'nyye nauki* [Humanities and social sciences]. No. 2. Pp. 28–40. (In Russian).

6. Izluhenko, T. V. (2013) Russkiy islam: sovremennoye polozheniye i tendentsii razvitiya [Russian Islam: Current Situation and Development Trends]. *Vestnik Krasnoyarskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. V. P. Astaf'yeva* [Bulletin of the Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V. P. Astaf'yev]. No. 1 (23). Pp. 278–282. (In Russian).

7. Ipatova, L. P. (2006) *Tipy religioznogo obrashcheniya v pravoslaviye zhenshchin v sovremennoy Rossii* [Types of religious conversion to Orthodoxy by women in modern Russia]. Specialty 22.00.06. "Sociology of culture, spiritual life". Dissertation for the degree of candidate of sociological sciences. M., 177 p. (In Russian).

8. Isaeva, V. B. (2014) Sovremennyye kontseptual'nyye modeli sotsiologii konversii [Modern conceptual models of the sociology of conversion]. *Izvestiya Rossiyskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A. I. Gertsena* [Bulletin of the A. I. Herzen Russian State Pedagogical University]. No. 166. Pp. 108–113. (In Russian).

9. Kabidenova, Zh. D., Rysbekova, Sh. S. (2019) Religioznaya konversiya i natsional'naya identichnost' [Religious conversion and national identity]. *Missiya konfessiy* [Mission of confessions]. No. 25. Pp. 97–106. (In Russian).

10. Lyubimova, A. I. (2009) Teorii religioznoy konversii i novyye religioznyye dvizheniya v Rossii [Theories of religious conversion and new religious movements in Russia]. *Vestnik Russkoy khristianskoy gumanitarnoy akademii* [Bulletin of the Russian Christian Humanitarian Academy]. Vol. 10. Iss. 1. Pp. 70–74. (In Russian).

11. Malashenko, A. (2007) *Islam dlya Rossii* [Islam for Russia]. Moscow: Russian Political Encyclopedia (ROSSPEN). 192 p. (In Russian).

12. Mikhaleva, A. V. (2002) Musul'mane Permskoy oblasti v 1920–50-ye gg. [Muslims of the Perm region in the 1920–50s]. *Politicheskii al'manakh Prikam'ya* [Political almanac of the Kama region]. Iss 2. Pp. 166–174. (In Russian).

13. Mikhaleva, A. V. (2003) Musul'manskaya obshchina Permi i Permskoy gubernii do 1917 g. [Muslim community of Perm and Perm province before 1917]. *Religiya v istorii goroda Permi (do 1917 g.)* [Religion in the history of the city of Perm (before 1917)]. Perm. Pp. 25–27. (In Russian).

14. Mikhaleva, A. V. (2001) Polozheniye musul'man v Permskoy gubernii v dorevolutsionnyy period [The situation of Muslims in Perm province in the pre-revolutionary period]. *Politicheskii al'manakh Prikam'ya* [Political almanac of Prikamye]. Iss. 1. Pp. 211–214. (In Russian).

15. Mikhaleva, A. V. (2003) Sotsial'nyy portret musul'manina 1930-kh gg. [Social portrait of a Muslim of the 1930s]. *Politicheskii al'manakh Prikam'ya* [Political almanac of Prikamye]. Iss 3. Pp. 178–184. (In Russian).

16. Nikiticheva, A. O. (2020) Russkiye musul'mane Podmoskov'ya: aspekty samoponimaniya i rol' v obshchinakh. [Russian Muslims of the Moscow Region: Aspects of Self-Understanding and Role in Communities]. *Islam v sovremennom mire* [Islam in the Modern World]. No. 16 (3). Pp. 145–164. (In Russian).

17. Pliszka, B. (2018) Motivy konversii pol'skikh musul'manok [Motives for the conversion of Polish Muslim women]. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: Ekonomicheskiye i sotsial'nyye peremeny* [Monitoring of public opinion: Economic and social changes]. No. 2. Pp. 173–179. (In Russian).

18. Poplavsky, R. O., Klyueva, V. P. (2013) «Kak tol'ko ya pererodilsya...». Konversiya i rasskazy o ney v pyatidesyatnicheskoy traditsii: struktura i funktsii ["As soon as I was reborn...". Conversion and stories about it in the Pentecostal tradition: structure and functions]. *Mezhdunarodnyy zhurnal issledovaniy kul'tury* [International Journal of Cultural Studies]. No. 1 (10). Pp. 35–41. (In Russian).

19. Rakityansky, M. N., Zinchenko, M. S. (2015) Russkiye islamisty kak politiko-psikhologicheskaya real'nost' [Russian Islamists as a Political and Psychological Reality]. *Vestnik SPbGU. Ser. 16. Psikhologiya. Pedagogika* [Bulletin of St. Petersburg State University. Series. 16. Psychology. Pedagogy]. No. 3. P. 70–82. (In Russian).

20. Romanova, A. P., Chernichkin, D. A., Topchiev, M. S., Rogov, A. V. (2019) Prichiny i mekhanizmy religioznoy transgressii v srede studencheskoy molodezhi severnogo Prikaspiya [Causes and mechanisms of religious transgression among student youth of the northern Caspian region]. *Yuzhno-Rossiyskiy zhurnal sotsial'nykh nauk* [South-Russian Journal of Social Sciences]. Vol. 20. No. 4. Pp. 104–120. (In Russian).
21. Ryazanova, E. F. (2019) Osobennosti religioznykh praktik nemok-musul'manok v sovremennoy Germanii (na primere zemli Meklenburg-Perednyaya Pomeraniya i goroda Gamburg) [Features of religious practices of German Muslim women in modern Germany (on the example of the state of Mecklenburg-Vorpommern and the city of Hamburg)]. *Vestnik YarGU. Seriya Gumanitarnyye nauki* [Bulletin of Yaroslavl State University. Series Humanities]. No. 4 (50). Pp. 40–43. (In Russian).
22. Selyaninova, G. D. (2017) V poiskakh posledovateley Zaynully Rasuleva: izucheniye ishanizma v Permskom kraye v KHKH v. na osnove ustnykh istoricheskikh istochnikov [In search of followers of Zainulla Rasulev: the study of Ishanism in the Perm region in the 20th century based on oral historical sources]. *Islam v sovremennom mire* [Islam in the modern world]. Vol. 13. No. 3. Pp. 159–170. (In Russian).
23. Selyaninova, G. D. (2019) «Delo antisovetskoy organizatsii ishanizma» 1948 goda v kul'turnoy pamyati musul'manskogo soobshchestva Permskogo kraya [“The Case of the Anti-Soviet Organization of Ishanism” of 1948 in the Cultural Memory of the Muslim Community of the Perm Territory]. *Tekhnologos* [Tekhnologos]. No. 3. Pp. 84–100. (In Russian).
24. Selyaninova, G. D. (2019) Krug chteniya posledovateley ishanizma v Permskom kraye v seredine XX veka [Reading circle of followers of Ishanism in the Perm region in the middle of the 20th century]. *Tekhnologos* [Tekhnologos]. No. 1. Pp. 71–84.
25. Silantyev, R. A. (2007) Rol' novoobrashchennykh musul'man v raskolakh [The Role of Newly Converted Muslims in Schisms]. *Imperskoye vozrozhdeniye* [Imperial Revival]. No. 1(9). Pp. 69–76. (In Russian).
26. Suleimanov, R. R. (2015) Russkiye musul'mane: klassifikatsiya grupp, problema radikalizma, otnosheniye k nim v Rossii [Russian Muslims: classification of groups, the problem of radicalism, attitude towards them in Russia]. *Musul'manskiy mir* [Muslim World]. No. 4. Pp. 8–39. (In Russian).
27. Suyunova, L. D. (2021) Aktual'nyye problemy neetnicheskikh musul'manok v regionakh s musul'manskim men'shinstvom (na primere Sankt-Peterburga i Leningradskoy oblasti) [Actual problems of non-ethnic Muslim women in regions with a Muslim minority (on the example of St. Petersburg and the Leningrad region)]. *Minbar. Islamic Studies* [Minbar. Islamic Studies]. No. 14 (1). Pp. 226–248. (In Russian).
28. Suyunova, L.D. (2021) Smyslovoye soderzhanie terminov «ruskiye musul'mane», «etnicheskiye musul'mane» i «etnicheskiye neofity» v issledovanii fenomena «religioznaya konversiya» s pozitsii teologa [The semantic content of the terms “Russian Muslims”, “ethnic Muslims” and “ethnic neophytes” in the study of the phenomenon of “religious conversion” from the standpoint of a theologian]. *Minbar. Islamic Studies* [Minbar. Islamic Studies]. No. 14 (2). Pp. 272–298. (In Russian).
29. Khristoforov, V. S., Guseva, Yu. N. (2020) Ishanizm kak analiticheskaya kategoriya v dokumentakh Vostochnogo otdela OGPU i yego podrazdeleniy v 1920-ye gody [Ishanism as an analytical category in the documents of the Eastern Department of the OGPU and its subdivisions in the 1920s]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofskie nauki* [Bulletin of the Chelyabinsk State University. Philosophical sciences]. Iss. 58. No. 9 (443). Pp. 70–75. (In Russian).
30. Chacon-Tratsky, D. (2018) Konversiya v islam: postepennoye preobrazheniye versus radikal'noye [Conversion to Islam: Gradual versus Radical Transformation]. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: Ekonomicheskiye i sotsial'nyye peremeny* [Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes]. No. 2. Pp. 165–172. (In Russian).
31. Buckser, A. (2003) Social Conversion and Group definition in Jewish Copengagen. *The anthropology of religious conversion* / Ed. by Andrew Buckser and Stephen D. Glazier. Lanham-Boulder-New York-Toronto-Oxford: Rowman& Littlefield Publishers. Inc. Pp. 69–84.
32. Coleman S. (2003) Continuous Conversion? The Rhetoric, Practice, and Rhetorical Practice of Charismatic Protestant Conversion. *The anthropology of religious conversion*. Ed. by Andrew Buckser and Stephen D. Glazier. Lanham-Boulder-New York-Toronto-Oxford: Rowman& Littlefield Publishers. Inc. Pp. 15–28.

33. Knoblauch, H. (1998) Bekerung zum Nichtrauchen? Die Konversion in einer "unsichtbaren Religion" am Beispiel von "Nikotine Anonymous". *Religiose Konversion: systemetische und fallorientierte Studien in soziologischer Perspektive*. Konstanz: UVK, Univ.-Verl. Konstanz. Pp. 247–270.

34. Krech, V., Rademacher, M. (2021) Sequence analysis. *The Routledge Handbook of Research Methods in the Study of Religion*. 2nd Ed. London: Routledge. Pp. 445–460.

35. Norris, R. S. (2003) Converting to What? Embodied Culture and the Adoption of New Beliefs. *The anthropology of religious conversion* / Ed. by Andrew Buckser and Stephen D. Glazier. Lanham-Boulder-New York-Toronto-Oxford: Rowman & Littlefield Publishers. Inc. Pp. 171–182.

36. Rambo, L. R. (2003) Anthropology and the Study of Conversion. *The anthropology of religious conversion* / Ed. by Andrew Buckser and Stephen D. Glazier. Lanham-Boulder-New York-Toronto-Oxford: Rowman & Littlefield Publishers. Inc. Pp. 211–222.

37. Religious Conversion. Contemporary Practices and Controversies (1999). Ed. by Christopher Lamb and M. Darrol Bryant. London and New York: CASSELL. 353 p.

38. Religioese Konversion: systemetische und fallorientierte Studien in soziologischer Perspektive (1998). Konstanz: UVK, Univ.-Verl. Konstanz. 274 p.

39. Shisheliakina, A. (2022) *Being a Woman and Being Tatar: Intersectional Perspectives on Identity and Tradition in the Post-Soviet Context*. Tartu: University of Tartu Press. 212 p.

40. Wohlrab-Sahr, M. (1999) *Konversion zum Islam in Deutschland und den USA*. Frankfurt/Main; New York: Campus Verlag. 403 p.

Личный вклад соавторов

Personal co-authors contribution

50/50 %

Об авторах

Рязанова Светлана Владимировна, доктор философских наук, ведущий научный сотрудник, Институт гуманитарных исследований Пермского федерального исследовательского центра Уральского отделения РАН, г. Пермь, Российская Федерация, ORCID ID: 0000-0001-5387-9387, e-mail: svet-ryazanova@yandex.ru

Назметдинов Рафис Явдатович, магистр религиоведения, преподаватель Пермского исламского колледжа, г. Пермь, Российская Федерация, ORCID ID: 0009-0007-0403-9235, e-mail: sufius@mail.ru

About the authors

Svetlana V. Ryazanova, Dr. Sci. (Philos.), Senior Researcher, Institute of Humanitarian Research of Perm Federal Research Center of Ural Branch of Russian Academy of Sciences, Perm, Russian Federation; ORCID ID: 0000-0001-5387-9387, e-mail: svet-ryazanova@yandex.ru

Rafis Ya. Nazmetdinov, Master of Religious Studies, Lecturer at Perm Islamic College, Perm, Russian Federation; ORCID ID: 0009-0007-0403-9235, e-mail: sufius@mail.ru

Поступила в редакцию: 12.12.2024
Принята к публикации: 15.01.2025
Опубликована: 11.03.2025

Received: 12 December 2024
Accepted: 15 January 2025
Published: 11 March 2025